

Хореограф устроил истерику

Анжелен Прельжокаж закатил публике душ Шарко

КоммерсантЪ - 2003 - 24 дек. - с. 22
премьера танец

В парижском Theatre de la Ville труппа Анжелена Прельжокажа показывает новый балет своего руководителя. В Near Life Experience известный своей брутальностью хореограф вплотную приступил к изучению пограничных состояний человека. По мнению ТАТЬЯНЫ КУЗНЕЦОВОЙ, лучше бы он на этом не заикливался.

Албанец Прельжокаж за 20 лет сделал во Франции превосходную карьеру. Потанцевав немного в труппе Доменика Багуэ, главного представителя новой волны, он скоро заявил о себе как о самостоятельном и очень ярком хореографе. Работы Анжелена Прельжокажа с самого начала отличались редкой энергетикой, непривычным для contemporary пристрастием к сюжетам, режиссерской выстроенностью спектаклей и демонстративным пренебрежением ко всяческим авторитетам.

То, привезя в Москву программу балетов, поставленных на темы спектаклей «Русских сезонов», он заявлял, что никогда не видел оригиналов; то, сделав в своем «Благовещении» архангела Гавриила женщиной, задорно дразнил церковников всех мастей (свой протест успела выразить даже РПЦ, когда спектакль приехал на гастроли в Москву). Репутация «варвара», интуитивно постигающего истину и вносящего природную естественность в подавленный цивилизацией западный мир, Анжелену Прельжокажу очень шла. Но, похоже, хореограф ее перерос. Или просто надумал поменять имидж.

«Околожизненный опыт» хореографа возник после годового тайм-аута, который господин Прельжокаж взял после 20-летней непрерывной работы и потратил на путешествия по миру. По собственному признанию хореографа, особенно сильно подействовали на него размышления о смысле жизни на берегах Ганга, а также восхождение на гору Килиманджаро, где недостаток кислорода заставил его ощутить себя в теле дряхлого старца. Все эти потрясения натолкнули господина Прельжокажа на необходимость исследований пограничных состояний человека: экстаза, оргазма, истерии, транса и т. д. Собственно, все эти состояния он прорабатывал в своих спектаклях и прежде, причем вполне убедительно. Однако, видимо, без особых раздумий.

Весь балет Анжелен Прельжокаж усиленно лечит и танцовщиков, и публику ФОТО DELAHAYE GUY

К постановке нового балета хореограф готовился серьезно — даже изучал с исполнителями анатомические рисунки знатока истерических состояний (и изобретателя одноименного душа) знаменитого в XIX веке психиатра Шарко. Постигал «процессы торможения» и «принципы неопределенности», способы релаксации и «затмения эго». В результате Near Life Experience оказался похож на слоеный пирог, в котором начинка из прежнего Прельжока-

жа (экспрессивного, эротичного и снайперски точного) перебивается слоями пресного теста некоего незнакомого автора, явно не знающего верного рецепта торта.

Спектакль дробится на эпизоды, вполне завершённые, но связанные весьма опосредованно. Излюбленная хореографом вариация оргастической темы (секс с предметом), в которой албанец не знает себе равных, звучит с самого начала: танцовщик исполняет соло на теннисной

судейской вышке, вжимаясь в ее перила, ступеньки, опоры с изощренным сладострастием — вышка отвечает женскими стонами, вздохами и вскриками. Вариация «секс с преследованием» столь же убедительна: танцовщица пытается вырваться от трех распаленных партнеров. Отчаянно-изобретательные рывки верхних поддержек сменяются замедленными переплетениями клубка тел; необходимое равновесие в эту неравную борьбу вносит

вторая женщина — ее участие придает насилию сладострастный привкус мазохизма.

И тут в игру вступают Ганг, Килиманджаро и Шарко — Анжелен Прельжокаж начинает размышлять и исследовать. На сцену является клубок красных ниток — этот символ, одновременно материальный и метафорический (кровеносной системы и нитей судьбы), хореограф обыгрывает в спектакле с восторгом и навязчивостью неофита. То мужчина и женщина вяло помахивают конечностями, разделенные красной линией, по диагонали пересекающей сцену. То девять обоим пола артистов участвуют в сложной композиции: кавалеры, завладевшие клубками, беззащитно манипулируют своими дамами, зажавшими во рту концы нитей — изломанные переплетения рисунка свидетельствуют о трудностях взаимопонимания. Исчерпав один символ, хореограф находит следующий — хрупкость человеческого сознания, понятное дело, олицетворяет стекло. Круглые стеклянные вазы танцовщики обыгрывают по-всякому: приставляют их вместо головы, обкладывают тело, просовывают между ног. Апогей душевной хрупкости — дуэт мужчины и женщины, облепленных стеклянными бокалами: тискать друг друга они, естественно, не могут — так и кружат бабочками вокруг да около.

Метафорические картины дополняют сцены клинические: артисты то и дело дергаются на полу в подобии эпилептического припадка, корча при этом страшные рожи: хочешь, принимай за истерию, хочешь — за половые излишества. Или заторможенно-однообразно вскидывают ноги и вращают корпусом: читай — транс. В финале мужчина в мыльной пене и набедренной повязке интенсивно ползает в красном световом круге на фоне гигантского красного клубка — когда танцовщик коряво привстает со скользкого пола, свет гаснет. Сперматозоид победил, стало быть, жизнь продолжается.

Этот естественно-научный оптимизм хореографа публика разделила с энтузиазмом: овация переполненного зала заставила босого Анжелена Прельжокажа выходить на поклон не менее семи раз. Для настоящего хореографа это почище любого оргазма.

Прельжокаж Шмелева

24.12.03